

ДМИТРИЙ СЕПТИМ.
ЦАРЬ ВЕЛИКОЙ ТАРТАРИИ.

1399 ТОБОЛЬСКЪ

Дамир Янсуфин

**Дмитрий I Септим. Царь Великой
Тартарии. 1399 - 1433 годы.**

«Автор»

2026

Янсуйфин Д.

Дмитрий I Септим. Царь Великой Тартарии. 1399 - 1433 годы. /
Д. Янсуйфин — «Автор», 2026

Зима 1399 года. Молодой и неопытный Дмитрий Септим получает власть над Великой Тартарией — государством на краю мира, забытым картографами и соседями. Тридцать четыре года он будет строить армию, казну, школы и дипломатию, превращая дикую землю в централизованную державу. Но цена реформ окажется выше, чем он мог представить. Секта, рождённая его же открытостью миру, отнимет у него семью и жизнь. Последняя надежда династии — внебрачный сын, бастард-лесник, и бретонская воительница, спасённая с костра инквизиции. Смогут ли они удержать Тартарию, когда трон пуст, а вокруг — только «Рассвет»?

Дамир Янсуфин

Дмитрий I Септим. Царь Великой Тартарии. 1399 - 1433 годы.

Аннотация

Настоящий текст представляет собой хронику альтернативной истории Великой Тартарии — вымышленного государства, расположенного на территории Сибири и Дальнего Востока, в период с 1399 по 1501 год.

События, персонажи, династии, географические названия, политические союзы, военные конфликты и технологические достижения, описанные в данной работе, являются плодом воображения автора и результатом творческого переосмысления игровых механик компьютерных стратегий (в жанре глобальных симуляторов государственного строительства). Все совпадения с реальными историческими личностями, событиями или современными политическими реалиями случайны и не несут цели искажения документальной истории.

Текст создан в рамках альтернативно-исторического нарратива, исследующего гипотетическую логику развития государства, изолированного от магистральных процессов европейской и азиатской политики позднего Средневековья, но постепенно входящего в мировой контакт через экспедиции, дипломатию и технологический обмен.

Предназначено для чтения в контексте любительского исторического моделирования и не является научным или учебным материалом.

Зима 1399 года. Над бескрайними снегами Великой Тартарии — вымышленного государства, раскинувшегося от Урала до Байкала, — встаёт новый царь. Двадцатидесятилетний Дмитрий Септим не готов к власти. Он не водил полков, не судил тяжб, не знал ни налоговых росписей, ни дворцовых интриг. Но именно ему суждено провести Тартарию через тридцать четыре года реформ, войн, унижений и надежд.

«Правление Дмитрия Септима» — это не просто альтернативная история. Это подробная, почти документальная хроника того, как строится государство: с нуля, среди лесов и болот, между молотом Москвы и наковальней распадающейся Орды. Армия, налоги, школы, дипломатия, коррупция, предательство и любовь — все нити сплетаются в руках царя, которого народ назовёт «Тихим Гением» за его умение побеждать словом, а не мечом.

Но у любого строительства есть тень. Открытость миру, книги, знания приносят в Тартарию не только прогресс, но и новую, опасную веру — секту «Мифический Рассвет», которая грезит о Золотом Веке без царей и налогов. И когда тень настигает самого царя, он теряет всё: жену, сына, надежду. На лесной дороге, под ножами фанатиков, обрывается жизнь Тихого Гения.

Кажется, династия Септимов прервалась. Но у Дмитрия остался последний приказ: найти внебрачного сына, бастарда, выросшего в глухом остроге. И есть та, кто готова исполнить этот приказ, — бретонская воительница Анна, спасённая из пламени европейского костра.

Сможет ли потерянный наследник собрать разорванную державу? Или «Рассвет» станет последней ночью Тартарии?

Это история о цене власти, о том, как одно поколение строит фундамент для столетий, и о том, как любовь, случайность и боль могут спасти династию, когда, кажется, уже ничто не спасёт.

Дмитрий Септим – Тихий Гений. 1399 – 1433 годы

Описание мира: Великая Тартария, зима 1399 года

Великая Тартария лежала на картах мира огромным зверем, свернувшимся клубком от Каменного Пояса до байкальских вод. Картографы европейских дворов, выводя её очертания,

часто ошибались на сотни вёрст — и их можно было понять. Никто из них не стоял на обледенелом берегу Иртыша декабрьской ночью, когда звёзды висят так низко, что, кажется, их можно зацепить шпилем колокольни. Никто не вдыхал воздух, пахнувший снегом, дымом и хвоей. Никто не слышал, как скрипит под копытами наст на тракте, уходящем в бесконечную тьму лесов.

Это было не «привидение империи» и не дикая окраина мира. Это было зрелое царство с полувековой историей независимости — но царство, построенное на земле, которая не прощает ошибок. Масштабы его были чудовищны. Гонец, посланный с царским указом из Тобольска в восточные улусы, проводил в седле месяц, а то и два — и не всегда добирался до места. Там, где кончались ямские станции и начиналась тайга, написанное на пергаменте слово значило ровно столько, сколько местный бек готов был за ним признать.

Власть в Тартарии была абсолютной. Царь — помазанник Божий, его воля освящена Церковью и скреплена «Уриэлевой Кормчей» — сводом законов, который покойный государь составлял два десятилетия. Но между указом, подписанным в тобольском дворце, и его исполнением лежали не просто тысячи вёрст. Лежали реки, которые не перейти в паводок. Лежали горные перевалы, заметённые снегом по пояс. Лежали леса, в которых, как поговаривали, всё ещё жили те, кто не признавал над собой никаких царей.

На местах правили двое. Наместники-беки — потомственная знать, возводившая родословные к первым сподвижникам Тайбера-Основателя, а иные и к ханам Великой Степи. И царские комиссары — люди худородные, возвышенные государем за верную службу, обязанные ему всем и потому преданные до гроба. Между ними не было и не могло быть мира. Бек смотрел на комиссара как на выскочку. Комиссар смотрел на бека как на пережиток. Они делили власть, доходы и правду — и далеко не всегда это деление обходилось без крови.

Население Тартарии было столь же пёстрым, как восточный базар. Русские переселенцы — потомки тех, кто бежал от ордынского гнёта, от княжеских усобиц, от непосильной дани, — составляли около половины жителей. Они принесли сюда язык, веру и привычку к упорному труду на неподатливой земле. Остальные были татары, остяки, вогулы, болгары, кипчаки — народы, жившие здесь задолго до того, как первый ромейский корабль причалил к берегу Иртыша. Все они говорили на десятках наречий, но на торгу, в приказах, в воинских острогах всё чаще звучал тартарский — молодая, ещё не устоявшаяся речь, в которой славянский корень соседствовал с тюркским окончанием, а византийское «архонт» превратилось в «архота» — уважительное обращение к старшему.

Вера скрепляла державу крепче, чем войско. Православие восточного обряда было государственной религией. Софийский собор Тобольска — пятиглавый, с каменной резьбой, которую вырезали приглашённые из Владимира мастера, — стоял над Иртышом как утёс, видимый за много вёрст. Тобольская митрополия не подчинялась ни Москве, ни тем более Сараю — она была независима, и владыка Тобольский носил титул «митрополита всея Тартарии и Северных Земель». Коренные народы, впрочем, крестились неохотно. В глубине тайги всё ещё жгли костры шаманы, били в бубны, подносили духам молоко и кровь. Церковь смотрела на это сквозь пальцы — пока язычники не поднимали головы открыто.

Основой казны был мех. «Мягкое золото» — соболь, куница, чернобурая лисица, — шло на запад обозами, а обратно везли серебро, железо, ткани и оружие. Уральские рудники давали первую собственную сталь, и мастеровые Тобольска уже умели ковать клинки, не уступавшие дамасским. Вдоль рек пахали землю, сеяли рожь и ячмень, на южных рубежах выращивали коней, не боявшихся морозов. Соль и мёд, воск и дёготь, речной жемчуг и моржовый клык — всё это стекалось в Гостиный двор Тобольска, чтобы уйти дальше: в Новгород, в Казань, в Бухару, а через них — в Персию, в Индию, в земли, о которых тартарские купцы знали лишь по слухам.

Соседи у Тартарии были разные.

Новгород Великий торговал с Тобольском охотно: республика не интересовалась верой и происхождением партнёров, пока мех был хорош, а воск чист. Московское княжество косилось настороженно: слишком уж быстро росла восточная держава, слишком независимо держалась. Казанское ханство торило сабли: степные набеги на южные улусы случались всякий год, и ответные карательные походы — тоже. Золотая Орда, некогда великая, теперь распалась на куски; ханы менялись, улусы откалывались, и Тартария давно уже не платила дани, хотя в Сарае всё ещё именовали её «вассальной землёй» — по привычке, а не по праву. Бухара дружила торговлей. Империя Мин на востоке была далека, как луна; контакты с ней были редки и эпизодичны.

Столица державы, Тобольск, была крупнейшим городом к востоку от Урала. Каменный кремль, выстроенный при Уриэле VII на месте деревянного острога, поднимался над Иртышом тремя башнями. Внутри, за белыми стенами, теснились Софийский собор, царский дворец — каменный, но приземистый, уступавший размерами кремлю, — Гостиный двор, Приказная палата, Счётная изба, житные амбары и пороховые погреба. За стенами, вдоль реки, лепились посады — деревянные, тёмные, дымные, с лавками и кузницами, с трактирами, где подавали горячий сбитень и сушёную оленину, с церквушками, на золочёных куполах которых зимой лежал снег, а летом оседала пыль.

Тридцать один год правил этой землёй Уриэль VII Благодетельный. Он не воевал — он строил. Он не казнил без суда — он писал законы. При нём Тартария не расширилась ни на версту, но стала крепче камня. Его называли скупным. Его называли упрямым. Его называли «монахом на троне». Но когда он кашлял кровью на расшитое золотом покрывало — а кашлял он ею уже месяц, — никто в Тобольске не смеялся. Люди стояли в храмах на коленях. Свечи гасли на морозе, и священники служили молебны о здравии государя, хотя всем было ясно: молебны эти — уже не о здравии, а о лёгком исходе.

В декабре 1399 года исход наступил.

И в день, когда колокола Софийского собора загудели траурным звоном, на трон взошёл тот, о ком в народе говорили шёпотом, — сын, выросший во дворце, почти не покидавший Тобольска, не водивший полков, не судивший тяжб.

Двадцатидесятилетний Дмитрий.

Первый царь со славянским именем.

Человек, о котором никто не знал — человек ли он.

Превью. Наследник

Глава 1. Осень

Осень 1399 года выдалась в Тобольске сырой и ветреной. Иртыш набух свинцовой водой, небо низко нависло над куполами Софийского собора, и в воздухе стоял тот особенный запах — смесь прелых листьев, речной влаги и печного дыма, — который возвещает долгую сибирскую зиму. В городе было тихо. Слишком тихо для столицы. Люди говорили шёпотом, и даже базарный гомон на Торговой площади звучал приглушённо, словно весь город затаил дыхание.

Царь болел.

Уже месяц Уриэль VII не выходил из своих покоев. Сначала думали — простуда. Потом — переутомление. Потом лекари, созванные со всей державы, развели руками и заговорили о том, что на латыни называлось «consumptio», а по-простому — чахотка. Царь худел, кашлял кровью и с каждым днём становился всё прозрачнее, словно свеча, догорающая в лампаде.

Но умирать он не торопился. Он ждал.

Дмитрий, царевич и наследник, узнал о вызове к отцу серым октябрьским утром. Он только что вернулся с охоты — не царской, а той, которую его наставники называли «пустой забавой». Соколиная охота, пиры с младшими боярами, прогулки по реке с певичками. Дмитрию был двадцать один год, он был высок, русоволос, хорош собой и обладал лёгким, весёлым нравом, который так нравился женщинам и так раздражал отца.

Гонец нашёл его на конюшне — царевич собственноручно расседлывал любимого жеребца, серого в яблоках. Он был в простом кафтане, без царских украшений, с соломой в волосах.

— Государь зовёт, — сказал гонец.

Дмитрий помрачнел. Он знал, что значит этот вызов. Отец не звал его к себе уже две недели — болезнь сделала его нелюдимым. И если теперь позвал — значит, дело плохо.

Или что-то ещё.

В царские покои Дмитрий вошёл осторожно, стараясь не шуметь. Он ожидал увидеть отца в постели — бледного, измождённого, окружённого лекарями и монахами. Но Уриэль сидел в кресле у окна. Он был одет в простой тёмный опашень, на плечи накинут соболий мех. В руках — чётки. Лицо его было серым, как осеннее небо за окном, но глаза — те самые глаза, которые Дмитрий помнил с детства, — смотрели твёрдо и ясно.

Рядом с креслом стоял маленький столик, а на нём — корона. Та самая, которой Пелагиус IV венчался на царство семьдесят лет назад. Золотой обруч с восемью зубцами, увенчанный крестом. Тяжёлая, старомодная, без самоцветов и изысков — но глядя на неё, Дмитрий почувствовал, как внутри у него что-то сжалось.

— Сядь, — сказал Уриэль.

Голос его был тих, но не слаб. Это был голос человека, который привык отдавать приказы и не привык повторять дважды.

Дмитрий сел на низкую скамью напротив отца. Между ними легла тишина — долгая, вязкая, как осенняя грязь на дорогах.

— Ты знаешь, зачем я позвал тебя, — начал Уриэль. Это был не вопрос.

— Знаю, — ответил Дмитрий.

— Что ты знаешь?

— Что ты болен. Что лекари не дают надежды. Что... что мне, возможно, придётся...

— Тебе придётся, — перебил Уриэль. — Не «возможно». Ты станешь царём. Скоро. Может быть, через месяц. Может быть, через два. Может быть, сегодня ночью. Это решает Бог, не лекари.

Дмитрий опустил глаза. Он не знал, что сказать. Он вообще редко знал, что сказать в присутствии отца. Уриэль был из тех людей, рядом с которыми слова казались лишними, а молчание — укором.

— Посмотри на меня, — велел Уриэль.

Дмитрий поднял взгляд. Отец смотрел на него — не как на сына, а как на солдата перед боем. Или как на подсудимого перед судом.

— Ты не готов.

Это было сказано без гнева. Без упрёка. Просто констатация факта. И от этого было больнее.

— Отец...

— Молчи. Я говорю — ты слушаешь. У меня мало сил, и я не хочу тратить их на споры. — Уриэль перевёл дыхание. — Ты хороший человек, Дмитрий. Ты добрый. Ты умный. Но ты не готов править. Ты живёшь так, будто царство — это продолжение охоты. Будто власть —

это награда. Это не награда. Это бремя. Это работа, которая убьёт тебя быстрее, чем любая чухотка, если ты не будешь к ней готов.

Дмитрий стиснул зубы. Ему хотелось возразить, но он знал, что отец прав. В глубине души он знал это уже давно.

— Что мне делать? — спросил он тихо.

— Готовиться. Не завтра. Не через неделю. Сейчас. Сегодня. Ты должен понять, что твоя жизнь кончилась. Та жизнь, которую ты знал. Охота, пиры, друзья, прогулки по реке — всего этого больше не будет. Ты станешь царём. А царь не принадлежит себе. Он принадлежит державе.

Уриэль закашлялся. Глухо, надрывно. Приложил платок к губам. Дмитрий увидел на белой ткани красное пятно и побледнел.

— Не бойся, — сказал Уриэль, отдышавшись. — Это всего лишь кровь. Кровь — не самое страшное, что ты увидишь, когда сядешь на трон. Ты увидишь предательство. Ты увидишь ложь. Ты увидишь, как люди, которых ты считал друзьями, отвернутся от тебя в трудный час. Ты увидишь, как твои приказы исполняются не так, как ты задумал. Ты увидишь, как твоя доброта будет принята за слабость. Ты готов к этому?

Дмитрий молчал.

— Я спрашиваю: ты готов?

— Я... я не знаю.

— Правильный ответ, — неожиданно сказал Уриэль, и в его голосе промелькнуло что-то похожее на теплоту. — Если бы ты сказал «да», я бы тебе не поверил. Никто не готов. Никто никогда не готов. Даже я не был готов, когда мой отец, Пелагиус, умирал в этой самой комнате тридцать один год назад. Я сидел перед ним так же, как ты сейчас сидишь передо мной, и думал: «Господи, я не смогу. Я не справлюсь. Я не он».

Он помолчал, глядя в окно. Там, за мутным стеклом, падал первый снег — редкие белые хлопья, тающие над тёмной водой Иртыша.

— Но я справился, — продолжил Уриэль. — Не потому, что я был умнее его. А потому, что я слушал. Слушал советы. Слушал летописи. Слушал людей, которые знали больше меня. И ещё потому, что я запомнил три вещи, которые сказал мне отец перед смертью. Теперь я скажу их тебе.

Он подался вперёд. Его глаза впились в Дмитрия с неожиданной силой, словно лихорадка на мгновение отступила, оставив место последнему, самому важному разговору.

— Первое. Власть — это не награда и не проклятие. Это инструмент. Как меч. Им можно защищать, им можно убивать, а можно положить его на землю перед собой и сказать: «Здесь я стою». Ты должен понять, для чего тебе этот инструмент. Не для славы, не для богатства, не для удовольствия. Для державы. Для людей, которые живут в ней. Для тех, кто рождается через сто лет после твоей смерти.

— Второе. Ты не обязан знать всё. Царь, который думает, что он умнее всех, — глупец. Ты должен уметь слушать. Мои советники — Тимофей, Феофан, митрополит — они знают вещи, которых не знаю я. Твои советники будут знать то, чего не будешь знать ты. Не стыдись этого. Используй это.

— Третье. Самое трудное. Царь не имеет права на слабость. Не потому, что он лучше других. А потому, что его слабость — это слабость всей державы. Если ты заплачешь, заплачут твои враги — от радости. Если ты засомневаешься, засомневаются твои солдаты. Если ты испугаешься, страх расплзётся по улусам, как чума. Ты можешь бояться. Ты можешь сомневаться. Но никто — никто! — не должен этого видеть.

Уриэль откинулся в кресле. Силы покидали его. Голос стал тише, дыхание — тяжелее.

— А теперь иди, — сказал он. — Иди и думай. У тебя есть ночь. Может быть, две. Может быть, больше. Но не трать их на пиры и охоту. Трать на подготовку. Читай летописи. Говори с советниками. Учись.

Дмитрий встал. Он чувствовал, как внутри у него что-то рушится и что-то строится одновременно. Он хотел что-то сказать — что-то важное, что-то, что отец унесёт с собой, — но слова не шли.

Уриэль понял. Он слабо махнул рукой.

— Не говори ничего. Слова — это ветер. Дела — вот что останется. Сделай так, чтобы мне не было стыдно за тебя перед предками. Иди.

Дмитрий поклонился и вышел из комнаты.

В коридоре, прислонившись к стене, стоял Тимофей Гостомысл — старый глава Счётной избы, служивший ещё Пелагиусу IV. Он был сух, сед и молчалив, как каменная стена. Увидев царевича, он выпрямился.

— Он говорил с тобой?

— Да, — сказал Дмитрий.

— Хорошо, — сказал Тимофей. — Тогда начнём.

Глава 2. Ночь учения

Дмитрий не спал трое суток.

После разговора с отцом он вышел из царских покоев другим человеком. Не изменившимся — ещё нет, для перемен нужно время, — но выбитым из колеи, растерянным, словно пловец, которого внезапно бросили в ледяную воду. Он механически пересёк двор, не замечая поклонов стражи, поднялся в свои комнаты, сел на край постели и долго смотрел в стену.

Охота. Пир. Певицы на реке. Весёлые друзья. Куда всё это делось? В один миг мир стал другим. Вернее, он стал настоящим — а всё, что было до этого, оказалось декорацией, театром, в котором он играл роль, пока настоящая жизнь текла где-то мимо, за стенами дворца.

В дверь постучали. Вошёл Тимофей Гостомысл.

Старый глава Счётной избы не был похож на царедворца. Он носил простой шерстяной кафтан, не имел драгоценностей, кроме серебряного перстня-печатки, и двигался бесшумно, как тень. Ему было за семьдесят, но спина его оставалась прямой, а взгляд — острым, буравящим. Он служил ещё Пелагиусу IV, пережил трёх царей и знал о Тартарии больше, чем кто-либо из ныне живущих.

— Не спишь? — спросил он, усаживаясь на стул без приглашения. — Хорошо. Спать сейчас вредно. Во сне человек забывает страх. А тебе полезно бояться.

Дмитрий поднял на него красные от усталости глаза.

— Я не боюсь, — сказал он.

— Значит, ты глупее, чем я думал. Бойся. Страх — это внимание. Внимание — это знание. Знание — это власть. — Тимофей положил на стол толстую пачку свитков. — Вот. Налоговые росписи за последние пять лет. Твой отец знал их наизусть. Когда ты станешь царём, ты должен будешь знать хотя бы главные цифры.

Дмитрий взял первый свиток. Развернул. Там были колонки цифр, названия улусов, суммы ясака, пошлины, расходы на армию, на храмы, на дороги. Его голова закружилась.

— Я не понимаю и половины, — честно признался он.

— Поймёшь. Я объясню. — Тимофей достал из-за пазухи огрызок грифеля и карту — не парадную, а рабочую, замусоленную по краям. — Смотри. Вот Тобольский улус. Сердце державы. Здесь собирается больше всего налогов, здесь живут купцы, здесь стоит армия. Вот Казахский улус — пока ещё не наш, но твой отец замирил его, и теперь мы получаем оттуда конницу. Вот северные леса — пушнина, ясак, остяки. Вот восточные остроги — до самого Байкала. У тебя двенадцать улусов, и каждый говорит на своём языке и живёт по своим обычаям. Ты должен знать их всех.

Дмитрий слушал. Сначала — рассеянно, потом — с интересом, потом — с жадностью. Тимофей говорил сухо, без украшений, но в его словах была магия иного рода — магия порядка, магия системы. Он показывал, как всё устроено. Как налоги текут в казну и расходуются на нужды. Как наместники отчитываются перед Тобольском, а Тобольск — перед царём. Где слабые места, где зреет недовольство, где границы требуют укрепления, а где — дипломатии.

Ночь пролетела незаметно. Когда за окном начал сереть рассвет, Тимофей отодвинул свитки и посмотрел на Дмитрия долгим взглядом.

— Ты устал, — сказал он. — Но запомнил больше, чем я ожидал. Это хорошо. У тебя хорошая память. Память — это первый дар правителя. Но есть ещё кое-что.

— Что?

— Твой отец сказал тебе три вещи. Я знаю, что он сказал — он сам когда-то слышал их от Пелагиуса. Я добавлю четвёртую. Самую важную.

Дмитрий напрягся.

— Царь — это не тот, кто принимает решения. Царь — это тот, кто умеет выбирать людей. Ты не сможешь знать всё. Ты не сможешь быть везде. Но если ты окружишь себя верными и умными людьми, они сделают работу за тебя. Твой отец окружил себя такими. Я — один из них. Тебе нужны будут свои. Ищи их. Не доверяй сразу. Проверяй. Но когда найдёшь — держись за них обеими руками.

Тимофей встал. Собрал свитки. У двери обернулся.

— Отдохни пару часов. Потом придёт Феофан. Он будет учить тебя дипломатии. Это ещё хуже, чем налоги.

И вышел, оставив Дмитрия наедине с рассветом.

Феофан прибыл, как и было обещано, к полудню. Это был монах — высокий, костлявый, с впалыми щеками и глазами, которые, казалось, видели всё насквозь. Он был духовником ещё Уриэля VI.

В отличие от Тимофея, Феофан не принёс никаких свитков. Он сел, сложил руки на коленях и начал говорить.

— Дипломатия — это не умение врать. Это умение слушать. Ты будешь говорить с послами Москвы, Казани, Орды, Бухары, может быть, даже Китая. Каждый из них будет хотеть чего-то. Твоя задача — понять, чего именно. Не всегда то, что они говорят, — правда. Иногда правда — в том, о чём они молчат.

— Как понять? — спросил Дмитрий.

— Наблюдай. Смотри на руки. Смотри на глаза. Слушай интонацию. Задавай вопросы, ответы на которые ты уже знаешь — так ты проверишь, лгут ли тебе. И никогда не говори «да» или «нет» сразу. Всегда бери время на размышление. Даже если ты уже решил.

Феофан говорил долго. О том, как устроены посольские дворы. О том, какие дары приняты у разных народов. О том, что московиты ценят силу, а бухарцы — вежливость. О том, что хан Золотой Орды сейчас слаб, но это не значит, что с ним можно быть грубым — слабые правители опаснее сильных, потому что они непредсказуемы.

К концу дня Дмитрий чувствовал, что голова его распухла от знаний. Но странное дело — ему это нравилось. Впервые в жизни он учился не потому, что заставляли, а потому, что понимал: от этого зависит всё. Его жизнь. Его трон. Его держава.

На второй день вернулся Тимофей. Принёс военные росписи. Дмитрий узнал, что такое «Государева Тысяча», где стоят гарнизоны, сколько стоит прокормить солдата в год и почему

конница обходится дороже пехоты. Узнал, что южная граница — самая опасная, что набег из степи случаются каждые два-три года и что отец планировал укрепить линию острогов, но не успел.

— Ты успеешь, — сказал Тимофей. — Если будешь помнить, что армия — это не игрушка. Война — последнее дело. Сначала — дипломатия, потом — деньги, потом — разведка, и только потом — меч.

На третий день снова пришёл Феофан. На этот раз — с летописями. Они сидели до глубокой ночи, читая о Тайбере Основателе, о Кинтайре Железной Госпоже, о Пелагиусе Архитекторе, об Уриэле Строителе. Феофан заставлял Дмитрия пересказывать прочитанное, задавал вопросы, спорил.

— Почему пала Западная Римская империя?

— Потому что она перестала расширяться. Потому что богатство развратило элиту. Потому что армия стала наёмной и перестала быть верной.

— А почему устояла Византия?

— Потому что у неё были стены. Потому что у неё была дипломатия. Потому что она умела договариваться с варварами, а не просто воевать с ними.

— А что из этого применимо к Тартарии?

Дмитрий задумался. Феофан ждал.

— Тартария не может полагаться только на меч. У нас нет таких стен, как у Константинополя. У нас нет такого богатства. У нас есть только люди, которые живут здесь, и земля, которая нас кормит. Мы должны договариваться.

Феофан кивнул. Впервые за три дня он улыбнулся.

— Хорошо. Ты начинаешь понимать.

На рассвете четвёртого дня в дверь постучали. Не Тимофей, не Феофан. Гонец с царской половины.

Дмитрий всё понял без слов. Он встал, надел чистый кафтан, поправил волосы и молча пошёл за гонцом.

Отец ждал его. В последний раз.

Глава 3. Последний разговор

В царских покоях пахло воском и болезнью. Тот особенный, сладковато-тяжёлый запах, который появляется в комнате, где долго лежит умирающий. Свечи оплыли, и никто не догадался их заменить. За окнами серело — рассвет ещё не набрал силы, и небо над Иртышом было цвета старого свинца.

Уриэль VII лежал на высоких подушках. Он был так худ, что одеяло почти не поднималось над его телом. Но глаза — те самые глаза, которые Дмитрий помнил с детства, — были ясны. Они смотрели на вошедшего сына с вниманием, в котором не было ни страха, ни сожаления.

Рядом с постелью, на низком столике, лежала Корона Септимов. Тяжёлая, серебряная с чернью, она тускло блестела в свете свечей. И корона, которую Пелагиус IV возложил на себя семьдесят лет назад, ждала нового лба.

— Подойди, — сказал Уриэль.

Голос его был тих, но не слаб. Это был голос человека, который привык отдавать приказы и не собирался изменять этой привычке даже на пороге смерти.

Дмитрий приблизился к постели и опустил на колени. Он не знал зачем — так вышло само. Ноги подогнулись.

— Ты учился, — произнёс Уриэль. — Я знаю. Тимофей доложил. Феофан доложил. Они говорят, ты способен. Говорят, у тебя хорошая память и быстрый ум. Это хорошо. Но это не главное.

Он закашлялся — глухо, надсадно. Дмитрий дёрнулся было позвать лекаря, но отец остановил его движением пальца.

— Слушай. У меня мало времени. Я скажу три вещи. Три. Только три. Но ты запомни их. Запомни и передай своему сыну.

Дмитрий замер.

— Первое. Ты не будешь мной. Ты не будешь Пелагиусом. Ты не будешь Тайбером. Ты будешь собой. Не пытайся быть кем-то другим — это погубит тебя. Но помни: ты — Септим. В твоей крови — двадцать одно поколение правителей. Они все ошибались. Они все терпели поражения. Но ни один из них не сдался. Не сдавайся и ты.

Уриэль перевёл дух.

— Второе. Власть — это одиночество. Нельзя делить власть с друзьями. Нельзя полагаться на родню. Советники — это глаза и уши, но не сердце и не голова. Сердце и голова — твои собственные. Ты будешь слушать всех, но решать — один. Когда ты примешь решение, никто не возьмёт на себя твою вину. Вина царя — только его. Но и слава — тоже его. Ты готов к этому?

Дмитрий хотел сказать «да», но слова застряли в горле. Он просто кивнул.

Уриэль смотрел на него долго, изучающе.

— Третье, — сказал он наконец. — Самое трудное. Не воюй. Воюй только тогда, когда нет иного пути. Мы пережили Орду, пережили смуты, пережили монголов — не мечом, а словом. Твой прадед, Цефорус Мудрый, говорил: «Лучше десять лет переговоров, чем один год войны». Я прожил жизнь и ни разу не обнажил меча в наступлении. И Тартария стоит.

Он взял сына за руку. Пальцы его были холодными и сухими, но хватка — твёрдой.

— Ты молод. Тебе захочется славы. Тебе захочется доказать, что ты — настоящий царь. Но настоящий царь не тот, кто убивает, а тот, кто сохраняет. Сохрани Тартарию. Сохрани наш род. Сохрани веру. Остальное — суета.

Дмитрий молчал. В горле стоял ком, и он не мог вымолвить ни слова. Но отец, кажется, понял.

— А теперь иди, — сказал Уриэль. — Дай мне помолиться. И пришли митрополита. Пора.

— Отец...

— Не говори ничего. Слова — это ветер. Дела — вот что останется. Сделай так, чтобы мне не было стыдно за тебя перед предками. Иди.

Дмитрий поднялся. Он взял руку отца и поцеловал её — холодную, пахнущую воском и ладаном. Потом повернулся и пошёл к двери.

На пороге он оглянулся. Уриэль уже закрыл глаза. Его губы шевелились — он молился.

Через час, когда взошло солнце, Уриэля VII Благочестивого не стало.

Он умер тихо, как и жил. С молитвой на устах. Митрополит, пришедший исповедать и причастить его, успел. Царь отошёл, примирившись с Богом и людьми.

Дмитрий узнал об этом, стоя у окна своей комнаты. Он смотрел на заснеженный город, на тёмную воду Иртыша, на купола Софийского собора, и лицо его было сухим. Он не плакал. Позже, ночью, он заплачет — но сейчас, при людях, он был царём.

Вошёл Тимофей. Старый глава Счётной избы был бледен, но спокоен.

— Государь, — сказал он. — Коронация назначена на первое декабря. Митрополит уже готовит чин.

— Государь, — повторил Дмитрий задумчиво. — Я ещё не привык.

— Привыкнешь, — сказал Тимофей. — Все привыкают. Твой отец тоже не сразу привык.

А потом правил тридцать один год.

Дмитрий повернулся к нему.

— Он сказал мне три вещи. Три завета. Я запомнил их.

— Это хорошо. Но знаешь, государь... — Тимофей помолчал, — я служил трём царям.

И каждый из них перед смертью говорил наследнику что-то важное. Но никто из наследников не мог повторить этих слов через десять лет правления. Жизнь слишком сильна. Политика слишком сложна. Заветы забываются.

— Я не забуду, — сказал Дмитрий.

Тимофей ничего не ответил. Он поклонился и вышел.

А Дмитрий остался один — в комнате, где всё ещё пахло воском и болезнью, но уже по-другому. Теперь здесь пахло властью.

Конец главы.

Так завершилась жизнь Уриэля VII Благочестивого и началось правление Дмитрия I Тихого Геня. Три завета, которые отец дал сыну, станут путеводной нитью на все тридцать четыре года его царствования. Он не забудет их.

Часть 1. Коронация

Глава 1. Корона Септим

Утро первого декабря 1399 года выдалось таким морозным, что птицы падали на лету. Воздух был чист и неподвижен, словно сам мир затаил дыхание перед тем, что должно было свершиться. Над Тобольском, над его деревянными стенами и каменными церквями, над заснеженными крышами и тёмной лентой Иртыша стояло пасмурное безветрие. Из труб валил густой дым — топили жарко, по-сибирски, не жалея дров.

Соборная площадь перед Успенским собором была забита народом. Казалось, весь город вышел смотреть на нового царя — или, вернее, исполнить древний, как сама Тартария, обряд признания. Крестьяне в посконных тулупах, ремесленники с заскорузлыми от работы руками, купцы в дорогих мехах, стрельцы и казаки с дальних застав — все смешались в одну огромную, дышащую паром толпу. Лица были суровы и сосредоточены. Здесь не ждали чуда. Здесь ждали защиты.

— Говорят, молодой совсем, — прошептал кто-то в толпе.

— Молодой, да не беда, — отозвался другой голос, низкий, с хрипотцой. — Лишь бы не пустой. Отец-то его, Уриэль-царь, покойник, крепко держал. А этот...

— Тише ты, дурень, — шикнула на него старуха в чёрном платье. — Не оскверняй день. Молись.

Толпа затихла. Тяжёлые створки собора медленно отворились.

Внутри собора только что завершилась церемония. Митрополит Сибирский, седой как лунь, возложил на голову Дмитрия Септима главную регалию тартарских царей — Корона Септим сибирского образца. Это был не изысканный венец византийских императоров, а грубой работы серебряный обруч с чернью, тяжёлый и холодный, как сама земля, которой предстояло править его носителю. Корона давила на лоб, и Дмитрий чувствовал, как от неё по вискам растекается странная, почти болезненная тяжесть.

Он стоял в дверях собора, глядя на море голов, и не мог заставить себя сделать шаг. Бармы — тяжёлое оплечье, расшитое золотыми нитями, — давили на плечи. Длинная шуба из соболя, подбитая алым шёлком, была слишком велика для него: её шили ещё на отца, и

придворные портные не успели перешить. Он чувствовал себя мальчиком, нарядившимся во взрослую одежду.

Рядом, тяжело ступая по обледелым ступеням, шёл митрополит. В одной руке он держал дымящееся кадило, другой благословлял толпу. За ним, кольцом, — царские дружинники, «витязи», как их называли в народе. Суровые мужчины в добротных, но не блещущих изыском кольчугах, с секирами в руках. Их глаза непрестанно блуждали по лицам в толпе — искали угрозу. И, как знать, находили ли.

Дмитрий поднял руку.

Это был жест, заимствованный из византийских хрисовулов — благословляющий, открытый, призывающий к тишине. Отец учил его этому жесту. «Поднимешь руку — и они замолчат, — говорил Уриэль. — Не потому, что ты царь. Потому, что они ждут».

Толпа действительно замерла. Наступила гробовая тишина, нарушаемая только хрустом снега под ногами дружинников да далёким карканьем вороны где-то за стенами кремля.

Герольд — огромный, бородатый, с голосом, способным перекрыть вой бури, — выступил вперёд. Набрал в грудь воздуха и прогремел так, что эхо покатилося над замёрзшей рекой: — Богом венчанный Царь всея Великия Тартарии, Дмитрий Септим!

И толпа опустилась на колени.

Это было похоже на волну — единое, слитное движение сотен тел, опускающихся в снег. Крестьяне, купцы, стрельцы, казаки, старухи и дети — все как один склонили головы. И тишина, наступившая после, была страшнее любого крика.

А потом ударил голос — глухой, мощный, идущий из сотен глоток:

— Здравья буди, Царь-батюшка! Многая лета!

Старые женщины крестились, шепча молитвы. Мужчины смотрели испытующе — не кланяясь подобострастно, но признавая. В этих взглядах читался один и тот же вопрос: «Сможешь ли?»

Сможешь ли удержать эту ледяную громаду? Сможешь ли защитить от ордынцев, что бродят на южных рубежах? Сможешь ли дать хлеб и порядок, когда зима длится полгода, а вести из дальних улусов идут месяцами?

Дмитрий стоял над этим морем преклонённых голов и чувствовал, как внутри у него разрастается пустота. Он знал, что должен что-то сказать — что-то, что запомнится, что войдёт в летописи, что станет первым словом его царствования. Он открыл рот.

Из губ вырвалось только белое облачко пара.

И в этот миг он вдруг понял нечто, чего не понимал никогда раньше. Все эти люди — сотни, тысячи — не ждут от него величия. Они ждут простого. Порядка. Защиты. Справедливости.

Он снова поднял руку. На этот раз — не заученным жестом, а как-то иначе, проще, человечнее.

— Люди Тартарии, — сказал он, и голос его, неожиданно твёрдый, разнёсся над площадью. — Я знаю, что молод. Знаю, что неопытен. Но я сын своего отца и внук своего деда. Я не оставляю вас. Я буду править по закону и по правде. И да поможет мне Бог.

Тишина. Потом — вздох. Потом — ещё один поклон, на этот раз не ритуальный, а искренний.

Митрополит тронул его за плечо.

— Пойдём, сыне. Пойдём, царь. Твоё место — на троне.

Дмитрий развернулся и пошёл обратно в собор. Толпа расступалась перед ним, и он чувствовал на себе взгляды — тёплые и холодные, доверчивые и настороженные. Он ещё не знал, чьи из них останутся с ним через год, а чьи отвернутся. Но это было не важно.

С этого мига его правление началось.

Глава 2. Первая ночь

Вечером, когда короткий зимний день угас и Тобольск погрузился в синие сумерки, Дмитрий остался один в своих покоях. Корона лежала на столе перед ним, отбрасывая тусклые блики на деревянные стены. Шуба висела на спинке кресла. Бармы были небрежно брошены на лавку.

Он сидел, подперев голову рукой, и смотрел в огонь. В печи потрескивали берёзовые поленья, и это был единственный звук в комнате.

Дверь скрипнула. Он не обернулся.

— Не спишь, государь? — раздался знакомый голос.

Тимофей Гостомысл, глава Счётной избы, вошёл бесшумно, как всегда. Остановился на пороге, не решаясь приблизиться.

— Садись, — сказал Дмитрий. — Я ждал тебя.

Тимофей присел на край лавки. Помолчал. Потом достал из-за пазухи свиток.

— Первое дело, государь. Завтрашний день. Нужно утвердить расходы на помин души твоего отца. Сорокоуст во всех церквах, милостыня нищим, дары монастырям.

— Утверждаю. Что ещё?

— Послы из Казани ждут уже третью неделю. Хан прислал грамоту с соболезнованиями и дарами. Нужно ответить. Я подготовил текст, но тебе надлежит прочесть и поправить.

Дмитрий кивнул.

— Оставь. Прочту.

Тимофей помедлил, словно хотел сказать что-то ещё, но передумал.

— И ещё одно, государь. Западный воевода прислал гонца. На рубежах беспокойно. Какие-то люди бродят, жгут деревни. Говорят, сектанты.

Дмитрий поднял голову. Взгляд его, усталый и тусклый ещё мгновение назад, стал острым.

— Сектанты? Какие ещё сектанты?

— Пока неясно, государь. Воевода пишет, что они называют себя «Мифический Рассвет». Но подробностей нет.

Дмитрий откинулся в кресле. «Мифический Рассвет». Название звучало странно, почти безобидно. Но что-то в нём — может быть, то, как Тимофей произнёс эти слова, — заставило царя насторожиться.

— Пусть воевода пришлёт полный отчёт. И разведчиков к ним. Я хочу знать, кто они, сколько их и чего хотят.

— Будет исполнено, государь.

Тимофей встал и поклонился. У двери он снова задержался.

— Знаешь, государь, — сказал он, не оборачиваясь, — твой отец в первый день своего правления тоже сидел вот так, глядя в огонь. Я помню. Я приносил ему свитки. Он сказал мне тогда: «Я боюсь». Я ответил: «Это пройдёт». Он ответил: «Нет. Не пройдёт. Но я научусь с этим жить».

Дмитрий ничего не ответил. Тимофей вышел, бесшумно притворив дверь.

Царь остался один. Огонь в печи догорал, и тени на стенах становились длиннее. Он посмотрел на корону Септимов, лежащую перед ним, и впервые за этот день подумал: «Отец боялся. Значит, и мне можно».

Он встал, подошёл к окну и долго смотрел на заснеженный город, спящий под звёздным небом. Где-то там, за стенами, в тёмных лесах, собирались силы, о которых он ещё ничего не знал. Но у него было время. Пока — было.

Так началось правление Дмитрия I Септима, первого царя со славянским именем на тартарском престоле. Правление, которое принесёт Тартарии реформы, мир и страшную беду — секту, что уже начала плести свою паутину в самом сердце державы.

Часть 2. Год вступления во власть

Глава 1. Тёмный дом

К весне 1400 года Дмитрий Септим начал привыкать к короне. То есть — к её тяжести. Корона больше не казалась чужеродным предметом, а бармы перешли наконец по его плечам. Но привыкнуть к власти оказалось сложнее, чем к регалиям.

Царство, доставшееся ему в наследство, напоминало огромный, тёмный, скрипучий дом, в котором он знал лишь одну комнату — тронный зал. Остальные помещения тонули во мраке, и оттуда доносились странные звуки: шорохи, стоны, иногда — приглушённые голоса. Нужно было обойти этот дом. Зажечь свечи. Открыть ставни. И понять, что за люди живут в нём вместе с ним — и что за крысы гнездятся в подполе.

Помощь пришла сама. Вернее, он сам — старый, седой, с бородой, разделённой надвое, как у ветхозаветного пророка.

Феофан явился к царю в один из тех предвесенних дней, когда зима ещё держит землю мёртвой хваткой, но солнце уже светит ярче, и снег на крышах начинает подтаивать, чтобы к ночи снова застыть ледяной коркой. В такие дни в Тобольске пахнет переменой — ещё не наступившей, но уже близкой.

Он вошёл без доклада — право, которого не имел никто, кроме него. Дмитрий сидел за грубо сколоченным столом, заваленным свитками, и пытался разобрать почерк какого-то неизвестного писца из дальнего острога. Получалось плохо.

— Государь, — сказал Феофан вместо приветствия, — ты тратишь время не на то.

Дмитрий поднял голову. Он уже знал эту манеру — прямую, без обиняков, граничащую с дерзостью. Отец предупреждал его: «Феофан будет тебе дерзить. Не гневайся. Он имеет право. Он заслужил».

— А на что я должен тратить время? — спросил Дмитрий.

— На понимание, — старик прошёл к столу и развернул перед царём большой кусок лубка, на котором был нарисован чертёж — не карта в привычном смысле, а скорее схема, живая и неровная, с извивами рек и кружками острогов. — Вот, государь. Взгляни. Вся наша земля — как человек.

Он провёл пальцем по схеме.

— Тобольск — голова. Здесь думают, приказывают, молятся. Реки — вот они, смотри. Обь, Иртыш, Тобол, Енисей — это жилы и артерии. По ним течёт жизнь: пушнина, соль, железо, слухи. Если перерезать реку — край умрёт. Если перекрыть путь по Иртышу — мы ослепнем и оглохнем.

Дмитрий склонился над чертежом. Он видел эти реки сотни раз — на охоте, на прогулках, из окна отцовского терема. Но сейчас он впервые смотрел на них не как на пейзаж, а как на систему.

— А это что? — спросил он, указывая на тёмные пятна по краям лубка.

— А это, государь, — Феофан усмехнулся в бороду, — «места дальние и неизвестные». Там живут наши сборщики ясака. И их... подданные. Номинально.

— Номинально?

— На бумаге, государь. На бумаге они все тебе подвластны. Платят ясак — медвежьими шкурами, соболями. Пока им выгодно и пока наша дружина может до них дойти — они платят. Как только мы станем слабее — первыми меч поднимут. И не только они.

Дмитрий помолчал, разглядывая карту. Потом поднял глаза на Феофана.

— Ты знаешь их? Тех, кто на нас работает?

— Знаю, — кивнул старик. — И завтра я представлю их тебе.

Глава 2. Люди государевы

На следующий день в царском кабинете собрались те, кого Феофан называл «государевым кругом». Дмитрий знал их в лицо — они мелькали на коронации, стояли в задних рядах на советах, — но никогда не говорил с ними по отдельности. Теперь они сидели перед ним, и каждый был похож на инструмент, назначения которого молодой царь пока не понимал.

Первым говорил глава Казначейской избы. Это был маленький, сухой, подслеповатый старец, который беспрестанно шурился и перебирал пальцами, словно вечно считал на невидимых костяшках счётов. Звали его Евлампий, и он был прижимист до такой степени, что даже свечи в своём приказе жег только сальные, а не восковые.

— Казна, государь, — начал он скрипучим голосом, — тоща. Не пуста, но тоща. Мы живём мехами — мягким золотом. Но меха — валюта ненадёжная. В прошлом году соболь упал в цене на четверть, потому что бухарские купцы нашли новый путь и повезли товар в обход нас. Нам нужно что-то своё. Твёрдое. Железное.

— Железное? — переспросил Дмитрий.

— Рудознатцев надо посылать, государь. Вдоль Уральского хребта. Говорят, там железо прямо под ногами лежит. Если найдём — у нас будет своё оружие, свои сохи, свои гвозди. И тогда мы перестанем зависеть от казанских купцов, которые дерут с нас три шкуры за каждый пуд.

Дмитрий кивнул и перевёл взгляд на следующего.

Разрядный воевода — человек с бычьей шеей и голосом, напоминавшим скрежет жерновов. Он командовал тобольским гарнизоном и отвечал за оборону. Его звали Дорофей, и он явно не привык говорить долго.

— Две беды, государь, — отрубил он. — Юг и запад. На юге — Орда. Она ослабла, хан Тохтамыш бежит от Едигея, но это и худо. Бегущие ордынцы хлынут к нам в степи, а за ними придут и победители. На западе — Казань. Глазеют на наши остроги, как волк на овчарню. Дружины мало. Нужны люди, железо и хлеб. Без этого — не устоим.

Дмитрий перевёл взгляд на Феофана. Тот едва заметно кивнул: «Записывай».

Третьим был глава Посольского приказа. Он говорил тихо, почти шёпотом, и казался человеком, который знает гораздо больше, чем произносит вслух. Звали его Афанасий, и он был одним из немногих тартар, кто бывал за пределами державы — в Сарае, в Казани, даже в далёкой Бухаре.

— С запада вести, государь, — начал он. — Орда в смуте. Тохтамыш пытается вернуть власть, но Едигей силён. Для нас это и шанс, и угроза. Ослабнет Орда — хорошо. Но беженцы, но отряды, что будут уходить от войны... они пойдут через наши земли. И не все мирно.

— Что предлагаешь?

— Готовить южные остроги. Укреплять. И слать лазутчиков в степь. Знать, кто идёт и куда, — это уже половина победы.

Последним говорил митрополит. Старый, с лицом, изрезанным морщинами, как старая икона. Он не давал советов о руде или войске — он говорил о другом.

— Держись веры, государь. Церковь — твой столп. Оснуй новые монастыри на восток. Они и крепости, и очаги просвещения. И ясак с окрестных язычников собирать будут во славу

Божию, а не только в царскую казну. Церковь — это нить, что свяжет твои земли крепче любого войска.

Когда все ушли, Дмитрий долго сидел молча, глядя на чертёж, оставленный Феофаном. Потом поднял глаза на старика.

— Они все говорят о разном. Как мне собрать это воедино?

Феофан улыбнулся — впервые за весь день.

— Вот этому, государь, я и буду тебя учить.

Глава 3. Уроки правления

Месяцы шли. Весна сменилась летом, лето — осенью. Дмитрий больше не сидел в тронном зале, ожидая, когда ему принесут новости. Он сам шёл к ним — в Казначейскую избу, где Евлампий учил его читать росписи доходов и расходов; в Разрядный приказ, где Дорофей показывал на карте слабые места границ; в посольский двор, где Афанасий рассказывал о нравах соседей.

Феофан был рядом почти всегда. Он действовал как опытный шахматист, разбирая с царём каждую новость, каждую тревогу.

Однажды утром пришло донесение о недороде в верхнем Приобье. Крестьяне голодали, ясак был не собран.

— Что делать? — спросил Дмитрий.

— А что бы ты предложил? — ответил Феофан вопросом на вопрос.

— Отправить зерно. Из царских житниц.

— Правильно. Но не даром. В обмен на двойной ясак мехами в будущем году. Покажешь заботу — и укрепишь обязательства. Люди запомнят, что царь спас их от голода, и будут платить исправно.

Через неделю — новое донесение. Столкновение сборщиков ясака с воинственным племенем в низовьях Енисея. Двое убитых.

— Послать карательную рать? — спросил Дмитрий.

— Далеко, — покачал головой Феофан. — Дорого. И главное — неясно, кто прав. Отправь небольшой отряд лучших дружинников. Не с мечом — с подарками вождю и угрозой в кармане. Пусть договариваются. Мы не можем воевать со всеми. Мы должны уметь договариваться даже с теми, кто пролил нашу кровь.

Ещё через месяц — весть от казанских купцов. Они резко подняли цены на железо. Без железа не выковать ни сохи, ни меча.

— Вот тут сложнее, — нахмурился Феофан. — С купцами воевать нельзя — они просто уйдут, и мы останемся без товара. Угрожать — тоже: Казань за них. Нужно искать обходные пути.

— Какие?

— Первое: начать тайные переговоры с новгородцами через северные волоки. У них своего железа много. Второе: послать рудознатцев вдоль Уральского хребта. Если найдём свою руду — Казань потеряет над нами власть.

Дмитрий записывал. Учился. Вникал.

К концу 1400 года он уже не был тем бледным юношей, что стоял на морозе перед толпой и не мог выдавить из себя ни слова. Его взгляд стал твёрже, осанка — увереннее. Он всё ещё во многом зависел от Феофана, но уже задавал вопросы, на которые у старика не было готовых ответов.

Однажды зимним вечером, когда они сидели вдвоём в тёплой горнице, глядя в огонь, Дмитрий спросил:

— Феофан, а что там, за Великим Камнем? На самом востоке? Правда ли, что там есть море-океан?

Старик долго молчал, прежде чем ответить.

— Не знаю, государь. Никто не знает. Старые карты там рисуют драконов и край земли. Но меха оттуда идут самые ценные — соболя чернее ночи. Может, и вправду есть что-то. Что-то, что сделает нашу Тартарию не окраиной мира, а его... новой частью.

— Я хочу узнать, — сказал Дмитрий. — Не сейчас. Но когда-нибудь.

Феофан посмотрел на него долгим взглядом. Впервые в нём не было ни наставления, ни оценки. Только странная, почти отцовская теплота.

— Это, государь, вопросы не года, — сказал он тихо. — И даже не одного царствования. Это вопросы столетий. Но задавать их — уже половина пути.

За окнами шёл снег. Первый снег новой зимы — второй зимы царствования Дмитрия Септима. И где-то там, за белой пеленой, лежали земли, о которых он ещё ничего не знал. Но уже хотел узнать.

Итоги 1400 года для царя Дмитрия

Обретение наставника. Феофан стал его глазами и памятью государства.

Первое знакомство с аппаратом. Царь узнал своих ключевых людей и круг насущных проблем: финансы, оборона, дипломатия, ресурсы.

Понимание природы власти в Тартарии. Власть рассыпана, держится на личной лояльности, выгоде и силе, а не на бюрократии.

Зарождение стратегических мыслей. Вопросы о поиске руды, альтернативных торговых путях и неисследованных восточных землях.

Часть 3. Диковинки и дипломатический клубок

Глава 1. Сокровища контрабандистов

Лето 1401 года выдалось в Тобольске жарким и гнилым. Над Иртышом тучами вились комары, в каменных палатах кремля было прохладно, но душно — толстые стены держали холод лучше, чем свежесть. Дмитрий, уже привыкший к короне, хотя всё ещё чувствовавший её тяжесть на висках, проводил дни в разъездах и советах. Дела шли своим чередом, и он начал думать, что правление — это череда скучных бумаг, перемежаемых редкими вспышками тревоги.

Этим летом тревога пришла с неожиданной стороны.

В один из душных июльских дней в царские палаты ввели двух запylённых стрельцов и купца с забинтованной головой. Стрельцы были из западного дозора, что стоял на границе с новгородскими землями. Купец — судя по одежде, из своих, тартарских, — трясся и кланялся так, что бинты на его голове сползали на глаза.

Феофан уже был в кабинете. Он стоял у окна и, казалось, не обращал внимания на вошедших. Но Дмитрий уже знал эту его манеру: старик слушал.

— Государь, — начал старший стрелец, — дозор перехватил караван у западного волока. Шли в обход заставы, тихо, без огня. Думали — контрабанда. Обыскали. Нашли вот это.

Он высыпал содержимое мешка на дубовый стол.

Дмитрий шагнул ближе. Среди мешочков с солью и неучтённых собольих шкурок лежали вещи, которых он никогда не видел.

Первым он взял в руки серебряную монету. Она была не похожа ни на татарские пулы, ни на грубые новгородские «чешуйки». Чёткая латинская вязь, профиль какого-то короля с длинными волосами и суровым лицом. Монета была тонкой, но тяжёлой — хорошее серебро.

— Что это? — спросил он, вертя монету в пальцах.

— Не знаю, государь, — ответил купец дрожащим голосом. — Говорят, из-за моря-океана. От немцев ганзейских. Контрабандисты вели торг через новгородских посредников...

Дмитрий поднял бровь и отложил монету. Следующей вещью было небольшое стальное зеркальце в серебряной оправе. Он глянул в него и увидел собственное лицо — чёткое, без искажений, без мутной ряби, которую давали тартарские полированные пластины. Это было как смотреть в замёрзшую воду.

Потом он взял в руки кусок плотной, тонкой бумаги — не пергамента, не бересты, — покрытый непонятными чертежами и цифрами. Бумага была гладкой, почти шёлковой на ощупь.

И наконец — железный арбалетный болт. Тяжёлый, с идеально отлитым наконечником. Дмитрий взвесил его на ладони. Он был лучше всего, что производили кузницы Тобольска. Лучше по качеству. Лучше по убойной силе.

— Откуда? — повторил он.

— Из-за моря, государь, — снова залепетал купец. — Ганза. Немцы. Я не знаю больше, видит Бог, не знаю!

Дмитрий отпустил стрельцов и купца, велел оставить вещи на столе. Когда дверь закрылась, он повернулся к Феофану.

— Что скажешь?

Старик отошёл от окна. Взял в руки бумагу, поднёс к свету, долго разглядывал. Потом взял болт.

— Скажу, государь, что мир огромен и полон хитроумных вещей, о коих мы и не ведаем, — он положил болт на стол. — Этот болт лучше наших. Это зеркало — предмет роскоши, но и оно показывает искусство. Они там, на западе, умеют делать то, о чём мы лишь смутно слышим. Это знак.

— Знак чего?

— Нашей отсталости. И нашей выгоды.

— Выгоды? — Дмитрий нахмурился.

Феофан взял монету и положил её перед царём.

— Если эти вещи идут через Новгород, значит, путь существует. И Новгород на этом пути богатеет. Он покупает у немцев и продаёт нам, кладя на товар свою пошлину. А мы даже не знаем, как эти вещи называются. Но если мы сможем торговать с ними напрямую...

— То сами будем класть пошлину в свою казну, — закончил Дмитрий.

— Именно. Но осторожно, государь. Новгород ревниво оберегает своё посредничество. Если мы попробуем обойти его слишком резко — наживём врага. А Новгород сейчас силён.

Дмитрий долго смотрел на разложенные перед ним сокровища. Они были маленькими, тускло блестящими в полумраке — но в них таилась целая вселенная, о которой он ничего не знал.

— Я хочу знать больше, — сказал он наконец. — Кто такие эти «ганзейские немцы»? Где они живут? Чем торгуют? И как нам до них добраться?

Феофан кивнул.

— Я запрошу сведения у новгородских купцов. Тех, что поприветливее. Но, государь... — он помедлил, — этот путь будет долгим. Очень долгим.

— Я не тороплюсь, — ответил Дмитрий. — Но я хочу, чтобы мои дети знали об этих вещах больше, чем я.

Глава 2. Казанский узел

Осень пришла в Тобольск рано. Уже в сентябре по утрам лужи покрывались тонким ледком, а к концу месяца выпал первый снег — пока ещё робкий, тающий, но напоминающий о том, что зима близко.

Именно в это время в столицу прибыло посольство от Казанского хана.

Это было первое настоящее посольство, принятое Дмитрием как царём. Послы были одеты в дорогие халаты, расшитые золотом, их сопровождал эскорт из двух десятков всадников на низкорослых степных лошадях. Глава посольства, пожилой мурза по имени Улугбек, держался с достоинством, но без высокомерия — Казани нужен был союзник.

Переговоры прошли быстро. Хан предлагал военный союз. Условия были просты: Тартария и Казань обязуются помогать друг другу в случае нападения третьей стороны.

Дмитрий, посоветовавшись с Феофаном и Разрядным воеводой Дорофеем, дал согласие. Союз был выгоден по всем статьям. Он укреплял западную границу, снимая угрозу казанских набегов, которые десятилетиями тревожили тартарские остроги. Он повышал престиж молодого царства: Казань, старая и уважаемая держава, признавала Тартарию равным партнёром. И он открывал прямой, хоть и опасный, торговый путь на юг — в обход Новгорода, через казанские земли в Персию.

Послы уехали, осыпанные дарами. Дмитрий был доволен. Впервые за два года правления он чувствовал, что совершил нечто значительное.

Но через три дня после отъезда послов в его кабинет вошёл Афанасий, глава Посольского приказа. Лицо его было мрачным.

— Государь, — сказал он тихо, — есть вести.

— Говори.

— Наши лазутчики среди купцов доносят: Новгород собирает рать. Они идут на Казань. В кабинете повисла тишина. Дмитрий медленно опустился в кресло.

— Когда?

— Точно неизвестно. Но к весне, если верить слухам.

Феофан, сидевший у окна с неизменными чётками в руках, подал голос:

— Вот оно, государь. Мы вступили в союз и немедленно оказались на пороге войны.

Дмитрий смотрел на карту, разложенную на столе. Новгород на западе. Казань на юго-западе. Тартария — между ними.

— Хан знает?

— Вероятно, — кивнул Афанасий. — Именно поэтому он так спешил с союзом. Он ищет щит.

— Щит?

— Нас, государь, — сказал Феофан. — Мы — щит. Если новгородцы ударят, Казань будет ждать нашей помощи. Мы для них — прикрытия с фланга.

Дмитрий перевёл взгляд с карты на Феофана.

— И что нам делать?

Старик помолчал. Потом произнёс медленно, взвешивая каждое слово:

— Мы должны исполнить букву союза, но не дух.

— Что это значит?

— Мы усиливаем гарнизоны на западных острогах. Демонстративно. Шлём хану грамоты о верности и партию лучших соболей в качестве «военной помощи». Но наши войска не переходят границы. Мы защищаем свои земли от возможного вторжения — и только.

— Но хан будет ждать помощи.

— Хан будет ждать чего угодно. Но мы не можем позволить себе войну с Новгородом. Наша армия в три тысячи человек — грозная сила против племён или для усмирения мятежей.

Но против закованной в железо новгородской пехоты и её наёмников... — Феофан покачал головой. — Это иная мера.

Дмитрий молчал. В его душе боролись два чувства: юношеская жажда славы, желание доказать, что он не трус, — и холодный расчёт, которому учил его старик. Расчёт победил.

— Мы должны дать Новгороду понять, что мы не враги, — сказал он наконец.

Феофан одобритительно кивнул.

— Именно. Нужно отправить тайное посольство в Новгород. Не с угрозами, а с заверениями. Сказать, что наш союз с Казанью — оборонительный и не направлен против них. Предложить торговлю. Те меха, что мы шлём хану в качестве дани, мы можем продавать новгородцам. Им это выгоднее, чем воевать.

— А хан?

— Хану мы будем писать длинные письма о том, как мы держим границу и отвлекаем новгородцев. Он далеко. Он не узнает подробностей.

Дмитрий долго смотрел на карту. Потом поднял глаза на Феофана.

— Пусть так. Готовь грамоты. И скажи Семёну Устюжанину, чтобы войска были в готовности, но без моего личного указа — ни шагу за рубеж. Мы будем смотреть на эту битву со стороны.

— И учиться, — добавил Феофан.

— И учиться, — повторил Дмитрий.

Глава 3. Ночной разговор

Той же ночью Дмитрий не мог уснуть. Он стоял у окна своих покоев, глядя на заснеженный город, на тёмную ленту Иртыша, на звёзды, рассыпанные над тайгой.

В дверь тихо постучали.

— Войди, — сказал он, не оборачиваясь.

Это был Феофан. Старик, казалось, никогда не спал — или спал так мало, что это было незаметно.

— Ты не спишь, государь, — сказал он.

— Не сплю.

Феофан встал рядом с ним у окна.

— Ты принял правильное решение. Трудное, но правильное.

— Почему же мне так тяжело?

— Потому что ты человек, — просто ответил старик. — Тебе хочется быть героем. Твоему отцу тоже хотелось. И деду. Но герои умирают быстро. Правители живут долго. Правители ждут. Правители лавируют. Правители иногда жертвуют гордостью ради выгоды. Это не трусость. Это мудрость.

Дмитрий молчал.

— Знаешь, государь, — продолжал Феофан, — твой отец однажды сказал мне: «Самые важные битвы выигрываются не мечом, а словом. И самые тяжёлые раны — это не те, что на теле, а те, что на гордости».

Дмитрий усмехнулся.

— Ты всегда цитируешь моего отца.

— Потому что он был мудр. И ты будешь мудр. Со временем.

Они долго стояли молча, глядя на звёзды. Где-то там, за горизонтом, собирались тучи войны. Но сегодня Тартария была в безопасности. И это было главное.

Итоги 1401 года для царя Дмитрия

Технологический шок и осознание отсталости. Контрабандные товары с Запада показали пропасть между Тартарией и Европой.

Создание военного инструмента. Появление постоянной армии в три тысячи человек дало реальную силу для проведения политики.

Первое серьёзное дипломатическое испытание. Союз с Казанью поставил Тартарию на грань вовлечения в крупный конфликт, заставив учиться тонкой игре и двойной дипломатии.

Принцип приоритета национальных интересов. Принято решение не жертвовать молодым государством ради амбиций союзника.

Часть 4. Испытание нейтралитетом

Глава 1. Гонец из пекла

Весть о войне пришла не с гонцом — с ветром. Холодным, пронизывающим ветром поздней осени 1402 года, что завывал в трубах Тобольского кремля и швырял в узкие окна пригоршни первой снежной крупы. За стенами дворца, в Грановитой палате, было душно от дыхания собравшихся и жара разожжённых каминов, но весть, которую принёс загнанный всадник, заставила всех похолодеть.

Новгородские рати, усиленные псковскими и наёмными отрядами, перешли границу и вторглись в Казанское ханство. Война, о которой предупреждала разведка, стала реальностью.

А через три дня после первого гонца в Тобольск прибыл второй. Это был не гонец — это был посол. Он въехал в город на рыдване, запряжённом четвёркой взмыленных, шатающихся от усталости лошадей. Его роскошные одежды — шёлк и золотое шитьё — были покрыты дорожной пылью. Его лицо, обычно надменное, сейчас выражало только одно: страх.

Казанский посол, мурза Улугбек — тот самый, что год назад гордо подписывал союзный договор, — почти бегом пересёк приёмный зал и рухнул на колени перед троном, забыв о всяком церемониале.

— Царь-брат! — голос его сорвался на крик. — Новгородский змей попирает наши земли! Их железные полки жгут города, их наёмники не щадят ни жён, ни детей! Вспомни клятву! Вспомни союз! Пошли свои полки — ударь с востока, и мы вместе сокрушим супостата! Казна наша щедро отблагодарит тебя — золотом, шёлком, чем пожелаешь!

Дмитрий сидел на троне неподвижно. За два года правления он научился прятать чувства за маской царственного спокойствия — маской, которую отец называл «лицом власти». Но внутри у него всё дрожало. Он видел перед собой не посла, а живое доказательство того, что их расчёты с Феофаном оказались верны. Война пришла. И она стучалась в их двери.

Он поднял руку, останавливая поток мольбы.

— Дело великой важности, — произнёс он ровным, ничего не выражающим голосом. — Требуется совет. Тебе окажут почести и дадут покои. Ответ получишь завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.